

МНЕНИЕ РЕЦЕНЗЕНТА

Время Всеволода Вишневецкого

Соб. кувейт/а, 1979, 17 июля

увидел в людях, в современниках, прочел в прессе Вишневецкого. Воссоздавая не фрагменты ее, а осмыслив саму ее как «фрагмент» нашей истории, органически единый с нею.

«Фильм-монография» — так необычно была представлена зрителям новая работа московских мастеров телевизионного кино.

Дмитрий Барщевский по собственному сценарию снял ленту, свободно соединяя приемы игрового кино, кинопублицистики, документальный материал. И на экране нераздельно слились два голоса, возник фильм-исповедь писателя Всеволода Вишневецкого и фильм-размышление молодого художника 70-х годов об эпохе своей и Вишневецкого.

Хроника. Встречают тех, кто был в борющейся Испании. Белорусский вокзал. Митинг. Вишневецкий на трибуне. Сквозь толпу пробирается Роман Кармен с сыном на руках. Гомон человеческой массы. И вдруг, отчетливо перекрывая шум, звучит окрик. Вишневецкий: «Рома, иди сюда». Слово ожило пространство, запечатленное хроникой. Кармен становится рядом. И вот в живое, объединившее сотни людей пространство, летят слова писателя.

Радиостудия в блокадном Ленинграде. Над городом гремят слова другой речи Вишневецкого. Перекрывают канонаду, гул самолетов. Снова ожило пространство, наполненное этим голосом. Экран укрупнил слова, заставил пережить непосредственно, резко сам процесс их возникновения. Хроника будто пронизана живым человеческим дыханием. Раз, другой, третий в эпизоде, воссоздавшем обстановку блокадной радиостудии, — крупный план: напряженный кулак Вишневецкого отбивает такт слову, мысли, высокому волнению, пафосу надежды.

«Это в сердце было мое» — название, сконцентрировавшее художественный принцип всей картины: не подборка кинодокументов, не вечер воспоминаний, а именно документальное воссоздание ритмов сердца писателя-коммуниста, открытие созвучности этих ритмов напряженной-

шим ритмам эпохи. Актер Афанасий Кочетков вошел в образ по-художнически, прожил заново жизнь героя этой документальной кинодрамы. Нет, он не «дублировал», не «синхронизировал», не «озвучивал», не «играл» Вишневецкого. Он на равных правах с режиссером вгляделся в лицо, вслушался в голос эпохи. Так же по-художнически услышана эпоха в музыке Екатерины Кожениковой. Фильм документален в самом строгом смысле слова (хотя многое доснято, перемонтировано, переозвучено). Да, документ, но не просто взятый напрокат в очередной монтажный фильм, а прослеженный от жизненных истоков, осмысленный в изначальной сути.

Фильм-монография Дмитрия Барщевского документально воссоздал тот творческий процесс, итогом которого стала сама жизнь Всеволода Вишневецкого, навсегда неотделимая от судьбы поколения, страны, народа, человечества. Найдена, что называется, мера вещей. Эпоха и человек обрели друг друга, дали друг другу раскрыться с огромной силой.

«Оптимистическая трагедия». На экране — образ спектакля, того, таировского, эпохального.

Погиб Комиссар. В зале тех далеких лет матросы-ведущие просят встать подпольщиков-большевиков, героев гражданской войны, членов ВКП(б), комсомольцев, строителей первых пятилеток. Весь зал — на ногах.

Наши дни. Ведущие вызывают героев революционного подполья, участников гражданской войны. Одинокое встает старенькая, сидящая женщина. Вызывают коммунистов, комсомольцев, участников Великой Отечественной, строителей послевоенных пятилеток, покорителей целины. Снова весь зал — на ногах. Революция бессмертна. Это фильм с документальной точностью

«Мы из Кронштадта». Д. Барщевский исподволь постигает те ритмы, которые некогда открыло в революционной действительности, ввел в духовный обиход современников советское кино 20—30-х годов. Кино, радио, которым так много сил отдал Вишневецкий, предстают на экране органической частью культуры XX века. Вишневецкий же по внутренним законам времени и творчества открывается одним из первопроходцев культуры, заговорившей с массами при помощи микрофона, кинокамеры на языке требовательного, страстного. Эпизоды у Белорусского вокзала, в театре — концентрированные образы массовой аудитории, ее преемственности, ее памяти. Претворенная в образы искусства сила памяти — вот что прежде всего придавало фильму особый заряд документальности, эстетически осмысленной, духовно богатой. Ибо документальны не только старые кадры, фонограммы, фотографии. Документально искусство, документальна судьба художника и наше памятное отношение к ушедшим годам, людям, современникам Вишневецкого, названным и не названным с экрана. Фильм «Это в сердце было мое» — о них о всех, он мудр сегодняшним нашим опытом, нынешним прочтением собственной истории.

Картина рассказала о человеке, прожившем недолго. С экрана звучат и грустные ноты: многого сделать не успел — время властно знало, отрывало от рабочего стола. События требовали великого напряжения, небывалой самоотдачи. Самоотдача стала целью творчества, смыслом существования, реальным вкладом человека в жизнь человечества и оказалась необходимым, главным итогом творчества.

Об этом фильме. О революции. О человеке, чей голос был услышан повсеместно как голос творчества, рожденного революцией.

Василий КИСУНЬКО.